

МЕТРОНОМ ВЕЧНОСТИ

Роман

ЕЛЕНА ФЁДОРОВА

Елена Фёдорова

Метроном вечности. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35481736

ISBN 9785449312747

Аннотация

Муж Лёли исчезает в Сибири при загадочных обстоятельствах. Она с сыном уезжает в Москву, запрещает себе думать обо всём, что осталось за железной дверью прошлого. Попутчик уверяет Лёлю, что она выбрана для особой миссии, наделена сверхфизической силой. Много лет назад её отправили на землю, стёрли память о прошлом, заставили поверить, что она обычная женщина. Пришло время, Лёля должна узнать тайну рождения и изгнания, должна остановить метроном вечности, проникнуть за грань реальности...

Содержание

Лёлька	8
Михаил	36
Таша	45
Протуберанцы любви1	61
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Метроном вечности

Роман

Елена Фёдорова

Корректор Вячеслав Фёдоров

Фотограф Тамара Антипина

© Елена Фёдорова, 2018

© Тамара Антипина, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-1274-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Елену Фёдорову можно сравнить с ультраплодоносящим деревом неведомой породы, ибо каждая из ветвей этого дерева обладает собственной плодоносной системой. Поэтому сложно найти адекватное измерение и определение творческому размаху, разноцветию и плодородию, свойственным деятельности Елены. В вышедших из-под её изобильного пера романах она выступает в роли своеобразного проводника и трансформатора непредсказуемых и неповторяющихся

сюжетных коллизий, которые ей, по её же словам, передают Свыше. И это – неоспоримый факт. В самом деле немислимо представить, как рождаются в её творческой лаборатории сплавы из глубины столетий с вкраплениями мистических молекул, с ребусами межличностных отношений, со сказочными и фантастическими приправами. Именно такое радужное разнозвучие наполняет все книги Елены Фёдоровой, получившие заслуженное признание, как и их автор.

Одна из значимых палитр дарований Елены – поэзия. Её стихи – это лирические миниатюры, своеобразные фотоснимки пережитых эмоций на переправах её жизненного пути. Они настолько музыкальны и выразительны, что привлекают многих композиторов, создавших порядка двухсот прекрасных песен.

Помимо большого литературного дара, Елена – воистину талантливая актриса. Спектакли, которые она режиссирует и исполняет по своим произведениям иначе, чем первоклассными не назовёшь.

У неё много званий и регалий. Но главное, что она заслуживает высших наград не только как писатель, поэт, актриса, но и как истинно высокочеловечная и духовная личность.

*Инна Богачинская – поэт, писатель, журналист, переводчик,
Академик Российской Академии Народного Искусства.*

БИБЛИО ГЛОБУС

НАШ СЛУЖИТЕЛЬ

Сыны человеческие – только суета: сыны мужей – ложь.

Если положить их на весы, все они вместе легче пустоты.

Псалом 61:10

Лёлька

Колёса стучали на стыках рельсов, навевая грусть.

– Вернусь, вернусь, вернусь, – твердит Лёлька, хотя возвращаться совсем не хочется. Она распрощалась с прошлым так давно, что страшно называть эту цифру, страшно думать о том, что осталось там, за железной дверью, которую никому нельзя открывать. Да и она потеряла ключ от замка, разорвала с прошлым связи словно тонкие ниточки. Осталась одна едва заметная паутинка... Как же так вышло, что именно она теперь сильнее корабельного каната тянет обратно в прошлое, заставляет твердить в такт колесам:

– Вернусь, вернусь, вернусь...

Не отделаться от наваждения, не освободиться от тяжести, называемой память. Монотонность усиливает грусть. Сердце сжимается от боли. Хочется кричать и выть, но она не одна. В купе люди. Чужие, посторонние, занятые собой. Лёлька смотрит в окно, смотрит в будущее и вспоминает о прошлом...

– Ты поедешь со мной? Поедешь, Лёлька? – его руки стали влажными, голос дрогнул. – Почему ты молчишь? Ты меня не любишь?

– Люблю, – Лёля впервые сказала правду. Земля ушла из-под ног. Да и как иначе, если самый дорогой человек вот-вот исчезнет из её жизни?

– Леня, Лёничка, что нам делать? – почти выкрикнула Лёлька.

– Я предлагаю тебе поехать со мной в Сибирь, – сказал Леонид так, словно приглашал её в театр. – Поедешь?

Лёлька мотнула головой. Это значило «нет», он знал. Лёлька всегда так делала, когда не хотела отвечать.

– Поедешь? – еще раз спросил Леонид с надеждой.

– Лёничка, милый, ты же понимаешь, что я не могу сейчас всё бросить... Пожалей меня, пожалуйста... – слова дались ей с трудом. В уголках глаз блеснули слёзы. Он их не заметил, выпалил раздражённо:

– А, кто меня пожалеет? Кто?

– Ты же не в ссылку едешь, а по распределению, – проговорила она тихо, почти шёпотом. – Ты уже дипломированный специалист, а мне еще два года учиться, чтобы...

– Да-да, прости, прости, – спохватился он. Прижал ее к себе. – Это я сгоряча... Жуткое настроение... Не хочу от тебя уезжать, а сделать ничего не могу. Надо ехать... Надо...

– Я приеду к тебе на каникулы. Приеду обязательно, – она прижалась к нему, всхлипнула.

– Не реви, – он погладил её по голове. – Всё наладится. Всё непременно сладится у нас с тобой, дорогая моя Лёля, Лёличка, Лёлюшка. Ты приедешь ко мне на край света и станешь моей женой Лёлей Белой. Заживём мы с тобой, моя дорогая, как ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Заживём... если меня родители отпустят, – она подня-

ла голову, посмотрела на Лёньку с грустью. – Ах, мой родной Лёничка Белый, разлюбезный мой человек, свидимся ли мы с тобой?

– Свидимся, Лёлечка, как не свидеться, – он поцеловал её в губы так крепко, что дух перехватило. – Завтра приходи ко мне... Я буду ждать... Завтра... А сейчас уходи...

– Хорошо...

– До завтра...

– До... – она встала на цыпочки, поцеловала его в лоб. Он подхватил её на руки, закружил.

– Лёля, Лёлюшка моя, как же я люблю тебя!!!

Лёля, Лёля – маков цвет, никого милее нет.

Губы – лёд, в глазах огонь.

Мою Лёлюшку не тронь. – Рассмеялся.

– Вот мы с тобой уже и стихами объясняться начали. Так, глядишь, целую поэму напишем, пока в разлуке будем.

– Напишем непременно и станем не физиками, а лириками, – обрадовалась она. – Издадим книгу и на обложке напишем: Леонид и Лёля Белые «Хроматограф Вечности».

– Ах, какая же ты у меня умница-разумница, дорогая Лёлечка, – похвалил её Леонид. – Ладно, иди, а то мы с тобой так до утра простоим...

– До завтра, родной...

Завтра было солнечным и счастливым. Они не думали ни

о чём. Забыли про всё на свете, кроме своей любви. Вверх-вниз взлетали качели. Солнечный лучик запутался в их сплетённых волосах, добавив золота в чёрно-русую прядь.

– Давай назовём нашу дочку Златой, – предложил Леонид.

– А если будет мальчик? – Лёля улыбнулась.

– Мальчик станет Златом Белым.

– Договорились, – она рассмеялась. – Как же мне хорошо с тобой, Лёня. Длился бы и длился этот день. Так бы и пролежала на твоём плече весь век.

– Весь век тебя я буду согревать.

Весь век мой для тебя, моя отрада.

Весь век я буду слушать голос твой.

Весь век прожить с тобой мне рядом надо.

Да будет так сегодня и всегда!

Да будет так! Любить должны мы вечно.

Да будет так! Пусть длится этот миг

До точки под названием бесконечность...

На следующий день он уехал в Сибирь, а она осталась в Москве. Осталась одна в огромном городе. Это одиночество было вымышленным, потому что рядом были родные люди: мама, сестра, отец, няня, подружки, однокурсники. Не было только Леонида, долговязого, угловатого паренька с огромными глазами, в которых Лёля утонула в первую их встречу. Утонула, погибла, а значит, её теперь тоже нет. Пустота. Боль где-то в межрёберном пространстве. Лёля не хо-

чет от неё избавляться. С неистовым остервенением загоняет себя в угол воспоминаниями, ждёт писем из Сибири. Знает, что почтальон приходит по утрам, и если после его ухода ящик пуст, письмо там уже не появится до следующего дня. Но это не мешает ей открывать почтовый ящик по сто раз на дню и сокрушаться:

– Ну, почему, почему Лёня не пишет? Почему?

Разные, зачастую нелепые мысли взрывают Лёлькин мозг. Выход один: сдать сессию досрочно и помчаться на край света к любимому, без которого она умирает, как Джульетта. Теперь ей ясны итальянские чувства. Она понимает, что умереть от любви можно. Ради любви, ради любимого она готова на всё...

Лёлька взяла билет на поезд, но решила до последнего момента маме ничего не говорить, чтобы та не смогла помешать ей, чтобы не стала удерживать свою безмозглую дочь.

Позвонила домой с вокзала, выпалила что-то не совсем внятное, повесила трубку.

– Ура! Свобода!

Влетела в вагон поезда отправляющегося в будущее. Радость неимоверная. Колеса стучат на стыках рельсов. Сердце поёт им в такт:

– Еду, еду, еду!!!

Сутки, вторые... и вот он долгожданный миг – станция Чугуевка. Пункт её назначения. По перрону бежит Лёнька

с цветами. Это алая герань. Он вырастил её на подоконнике в горшке для любимой Лёлюшки. Чудо!

– Почему ты мне не писал? Почему? – ударяет она его кулачком в грудь.

– Писал, писал каждый день по два письма и отсылал по два...

– По два? – она не верит.

– Идём на почту. Там тебе скажут всю правду, – он тянет Лёлю за собой.

Неказистый домик – почта. Начальник почты, немолодая улыбчивая сибирячка, увидев их восклицает:

– Ай, Лёнечка, радость какая! Дождался таки свою зазнобу! – смотрит на Лёлю с интересом. – Он тут у нас все конверты скупил. План нам сделал на пятилетку вперед. По два письма в день тебе отправлял.

– Ты за таким парнем, как за каменной стеной будешь, – вступает в разговор другая женщина. Её взгляд не такой добрый. Он скорее бесцеремонный. Лёлька вздрагивает, потому что следующие слова хлещут её наотмашь:

– Только ты смотри, девка, гонор свой не очень-то показывай, а то проворонишь жениха...

– Какая же она девка, тётя Марина? – Леонид обнял Лёлю. – Она моя жена, моя муза, моя радость, моя жизнь...

– Жизнь-то она жизнь, только письмами своими она тебя не шибко баловала, – хмыкнула тётя Марина. – А в слове «девка» мы деревенские ничего плохого не видим. Нам

сибирякам невдомёк, что вы – городские – на слова обижаетесь. Прощения просим, если что не так. У нас тут всё попростому, привыкайте...

Эта простота Лёльку напугала. Не хотелось ей никому о себе рассказывать. Не желала она ни с кем своего дорогого Лёничку делить. А хозяйка дома, тётя Маня, то и дело лезла с советами, учила, а порой отчитывала их, как собственных нерадивых детей.

– Не могу больше, – не выдержала Лёлька. – В Москву хочу. Леонид купил ей билет, пообещал выхлопотать отдельное жильё, чтобы им с Лёлькой никто не мешал. Решили, что она приедет летом...

По возвращении домой Лёлька первым делом спросила про письма Леонида. Оказалось, что их по приказу отца прятала старшая сестра Анна.

– Мы думали, что блажь твоя пройдёт. Ошиблись. Всё намного серьёзнее оказалось, – сказала та, протянув Лёльке целлофановый пакет с письмами. – Надеюсь, ты замуж за него не собралась?

– Нет. Мы с ним уже поженились, – Лёлька показала ей язык.

– Что??? – Анна опустила в кресло. – И ты с ним в одной кровати...

– А у нас мама с папой, как спят? – Лёлька смерила сестру злым взглядом.

– Господи, – простонала Анна, схватившись за сердце. – Ты в своём уме? Ты меня без ножа... Ты смерти моей хочешь... Нельзя, нельзя младшим вперед старших замуж выходить...

– Начнём с того, что я не младшая, а средняя, – парировала Лёлька. – И моей вины нет в том, что на тебя никто не смотрит.

– Дура, – Анна побледнела. – Дура, дура... Нашла себе прощельгу безродного. Да твой Белый – урод, урод. Нос длинный, как у гуся, шея тонкая, сам, как жердь, глаза из орбит вылезают. Мне такой кавалер даром не нужен. Лучше уж одной быть, черядом с кем попало, – Анна выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью.

Лёлька покачала головой. Зла на сестру не было. Она жалела чересчур разборчивую Анну, которая видела в людях одни недостатки. Радоваться не умела или не хотела. А у Лёльки радость через край переливалась. Ещё бы, вот они письма Лёничкины целы-целёхоньки, одно другого интереснее. Не письма, а поэма настоящая. Пусть не в стихах, зато какие чувства, какие слова!

И теперь, после поездки, она видит в каждой строчке настоящую, реальную Сибирь. Она слышит сибирский говор с выделяющейся «О» и уже больше не сердится на тётку Манию, потерявшую в войну мужа, а сочувствует ей. И уже телефонистка Вера кажется родной. И манит, манит к себе озеро Лесное, которое не замерзает даже зимой в лютые морозы...

– Леля, это правда? – строгий голос отца ударом ей в спину.

– Что, правда? – спросила она, повернувшись. Почувствовала, как кровь прилила к лицу. Отец был явно чем-то разолён. Глаза горят, желваки ходят, бледный, взлохмаченный, держится за дверь.

– Признавайся, ты беременна, да?

– Папочка, – Лёлька увидела за спиной отца сестру и всё поняла. – Милый мой, дорогой мой папуля, я не знаю, что именно наговорила тебе Анна, откуда она выудила такую сенсационную новость, о которой я слышу впервые. Но, если ты считаешь, что от чтения писем можно забеременеть, то так оно и есть. А, если нет, то паника ложная.

Отец развернулся и ушёл своей размашистой походкой.

– У-у-ух, – выдавила Анна и захлопнула дверь. Лёлька рассмеялась...

Беременность случилась летом, когда Лёлька жила в новом доме, который выделили Леониду. Дом дали в надежде на то, что молодой специалист Леонид Белый задержится в этих местах надолго. Он был не против, оставалось уговорить Лёльку.

– Куда же я теперь поеду? – она погладила свой округлившийся живот. – Меня в дом не пустят. Скажут, нагуляла.

– Как это нагуляла? – Леонид побледнел. – Мы же с тобой муж и жена. Вот документы из Загса. Или им этого мало?

– Да, не знаю я, что им нужно, – отмахнулась Лёлька. –

Просто не поеду я в Москву и точка. Академку возьму. Потом догоню...

– Нет, так не пойдёт, – Леонид улыбнулся. – Мы с тобой последний курс вместе закончим. Я тебе помогать буду. Мы справимся, родная...

Они справились. Экзамены сдали, родили богатыря. Дали ему имя Георгий в честь своих побед. Да и Георгий Белый звучнее, чем Белый Злат.

На защиту Лёлькиного диплома поехали втроём. Лёлькины родители приняли их сдержанно. Радости и восторгов особых не выказывали, но и выговоров не устраивали. Обстановка в доме не располагала к сантиментам. Старшая сестра Анна старалась счастливой Лёлке в глаза не смотреть, к мальчику не подходила. Младшая Марьяна потихоньку нянчила племянника, называла его нежно Егорушкой. Ей это имя нравилось больше, чем холодное ветхозаветное Георгий Победоносец.

Малыш не капризничал, словно понимал, что в этом доме нужно вести себя подобающе. Он внимательно наблюдал за взрослыми, пытался повторять слова, радовался, когда это у него получалось. В Москве Егорка сделал первые робкие шажки, а когда пришло время возвращаться в Сибирь, он уже бегал вовсю. Вернулись они с намерением прожить в Сибири всю жизнь.

Вечерами Лёлька и Леонид читали сыну сказки и стихи. Под звук их голосов он засыпал. А они ещё долго шептались,

делились пережитым за день, строили планы. Казалось, так будет всегда. Но...

Леониду зачем-то понадобилось ехать в соседний посёлок.

– Я мигом, – пообещал он, целуя Лёльку и сына. – Вы тут не скучайте без меня. Лады?

– Лады! – выкрикнул Гоша.

– Люблю вас, мои родные, – с этими словами Леонид ушёл. Ушёл, чтобы уже не возвращаться никогда...

Лёлька запомнила его счастливым, улыбающимся, нежным, любящим, дорогим, ушедшим...

От невосполнимой утраты и горя Лёлька долго не могла оправиться. Она каталась по полу и скулила, как побитая собака. Мысли разрывали сознание. Мысли не давали ей покоя. Мысли спорили между собой.

Любовь не может быть вечной. Неутешительная истина.

Первая любовь всегда несчастна. Кто придумал это? Зачем это придумали?

Почему эта беда случилась со мной?

Почему, когда тебе плохо, твоя светлая полоса, твоя радость переходит к кому-то другому?

Неужели твоя боль может помочь кому-то обрести успокоение?

Неужели твои страдания могут сделать кого-то лучше?

Почему горе и радость всегда рядом?

Зачем нужна эта сбалансированность плохого и хорошего,

положительного и отрицательного?

Кому нужен этот баланс?

Ответов не было. Была лишь пустота, чёрная дыра, из которой Лёлька с трудом выбралась. Выбралась благодаря сыну. Ради него ей нужно было жить. Ради...

Через три месяца, оправившись от утраты любимого, Лёлька уехала в Москву. Остаться в Сибири не было теперь надобности.

Дома её встретила счастливая Анна. Выяснилось, что в день смерти Леонида она вышла замуж, обрела долгожданное счастье. Лёлька поздравила сестру бесцветным голосом, ушла к себе. Теперь она превратилась в холодную, бездушную Снегурочку с потухшим взглядом. Ей показалось, что Анна рада свалившемуся на плечи сестры горю. Но развивать эту тему Лёльке не хотелось совершенно. Лучше молчать, лучше не знать, лучше ни о чём не думать. Пустота...

Только с сыном Лёлька была собой. Старалась, по крайней мере. Это её спасло. Жизнь снова окрасилась радужными цветами. Радость вернулась в Лёлькино сердце, растопила её замерзшую душу. И как-то сразу посыпались предложения от знакомых. Театры, концерты, выставки, встречи, походы, песни у костра, посиделки с друзьями.

Друзей оказалось столько, что Лёльке приходилось выбирать, к кому из них пойти в первую очередь. Своей близкой подруге Таше она отказать не могла. Таша всегда была на первом месте. Ради неё Лёлька могла отменить все назна-

ченные прежде встречи.

Наташа Бергерова – яркая брюнетка, утончённая натура, экстравагантная барышня, знающая себе цену. Друзья звали Наташу Натали или Таша Берг. Такое звучное иностранное имя она себе придумала, чтобы выделяться среди золотой московской молодёжи. Ей это имя шло.

Таша была старше Лёльки на год, но казалось, что их разделяет десятилетие. Рядом с Ташей Лёлька выглядела подростком. Да и вела она себя по-детски: смущалась, краснела, отводила взгляд, молчала тогда, когда нужно было кричать изо всех сил. Таша ругала её, давала мудрые советы, которыми Лёлька пользоваться не спешила.

– Ну и оставайся серой мышкой, – не выдержала Таша. – Сиди в своей норке, жди когда тебя какой-нибудь котяра сцапает. А, может, и не сцапает, загнёшься в своей норке всеми позабытая...

Котяра нашёлся довольно быстро. На дне рождения Таши было много гостей. Поначалу Лёлька сидела в уголке, пила шампанское маленькими глотками, шурилась от пузырьков, ударяющих в нос. Ей было весело. Она наблюдала за подвыпившими гостями, радовалась за Ташу. Раскрасневшаяся, весёлая, нарядная именинница была королевой вечера. От кавалеров не было отбоя. Когда же начались танцы, Таша вытащила Лёльку в круг, приказала: танцуй!

И Лёлька закружилась так, словно танцевала всю жизнь. Гости смотрели на неё во все глаза. Отошла в сторону и Та-

ша.

– Ах, ты маленькая негодяйка, – выдохнула она в сердцах. – Вот какая ты оказывается... Не мышка ты вовсе, не мышка...

Лёлька этих слов не слышала. Она была поглощена музыкой и тем удивительным превращением, которое с ней только что произошло. Она почувствовала себя способной на любое безумство, поняла, что никто больше не посмеет лишить её радости. Никто не сможет остановить жизненную энергию, рвущуюся наружу. Она, Лёлька, вулкан. Огонь пылает в груди, горячая лава сметает с пути все преграды, все до единой.

– Не пялся на неё так, Мишка, – строго сказала Таша своему близкому другу Мише Рассольцеву. – У Лёльки ребенку три года. Она мать одиночка. А у Вареньки Бессоновой никого нет. Она чиста, невинна, непорочна. Я тебе советую взять в жены её. Присмотрись к ней. Прелесть, прелесть...

– Ты, моя дорогая Наташенька, прелестнее всех, – Михаил поцеловал её в щёку. – Краше тебя никого не сыскать. Ты – ца-ри-ца бала. Благодарю тебя, мудрейшая царица, за бесценный совет. Но, видишь ли, Наташенька, Варвара твоя бездушная, пустая кукла. Глазки строит, кокетничает, эрудицию свою показать пытается. А одного не понимает, бедняжка, что умом обделена. Ей молчать нужно, молчать, чтобы никто её глупость не увидел сразу. Знаешь ведь поговорку: «молчи, за умного сойдёшь», – рассмеялся. – А глядя на Лё-

лю мне стихами говорить хочется. Да вот, к примеру хорошие строчки Семёна Надсона «она – цветок благоуханный в венке искусственных цветов...» Ёмко, в десятку.

– Ах, вот как ты заговорил, Рассольцев?! – Таша оттолкнула Михаила, нахмурилась. – Я тебя раскусила, Мишка. Варя тебе не по зубам, ухаживать нужно долго. А Лёлька – испорченный плод, ломаться не станет, можно легко в постель уложить...

– Я думал, вы подруги, – проговорил Михаил так, словно ударил её под дых. – Злая ты и завистливая, Наташа Берг. Прости... Но я вынужден уйти с твоего праздника. Мы с Лёлей уйдем немедленно...

Он взял Лёльку за руку, бесцеремонно прервал её танец, поцеловал в губы на виду у всех, сказал громко:

– Идем, любовь моя, нам пора...

И она послушно пошла за ним. На улице опомнилась. Уселась на лавочку, разрыдалась. Михаил сидел рядом и молчал. Заговорил, когда Лёлька перестала всхлипывать.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – голос спокойный, ровный без нажима. – Я буду любить тебя и сынишку твоего...

– Что? – Лёлька подняла голову. – Откуда ты...

– Таша сказала, – он улыбнулся. – Не смущайся. У каждого из нас есть свои промахи, ошибки и победы. Ты молодец, что не отказалась от ребенка, что не побежала...

– Я была замужем, – в Лёлькином голосе прозвучал ме-

талл. – Если бы мой Леонид не погиб, я бы ни за что не вернулась в Москву, осталась бы в Сибири, – встала. – Спасибо, Михаил, но мы в покровителях не нуждаемся. Я ребёнка не в подоле принесла, и мне плевать на то, что обо мне говорят все вокруг. Я знаю истину. Бог знает правду, – развернулась и быстро пошла к Метро.

Михаил остался сидеть на лавочке. Сидел, улыбался и повторял:

– Да-а-а, да-а-а, да-а-а...

Утром к Лёльке прибежала Таша. Её распирало любопытство.

Она потерлась о Лёлькину щёку, вытянула смешно губки:

– Ну-у-у...

– Что, ну-у-у? – передразнила её Лёлька

– Ах, ты лиса, – сладкая улыбка сделала лицо Таши некрасивым. – Как он тебе, рассказывай. Хорош? Лучше твоего первого или...

Осеклась. Никогда прежде она не видела свою маленькую мышку такой разъярённой. Отшатнулась. Лёлькины слова ударили её наотмашь по лицу.

– Я верила тебе... Верила в твою искренность, а ты – дрянь. Ты лживая, завистливая, злая баба. Уходи и никогда больше не приходи в мой дом. Я не желаю тебя видеть. Рядом со мной нет места бездушным существам с чёрным, гнилым нутром. Скатертью дорога, госпожа Берг...

Таша побледнела и ушла. У неё хватило ума не проронить

ни слова. Она просто онемела от неожиданного поворота событий. Вначале Михаил отругал её, теперь Лёлька. Как же она так прокололась? Почему интуиция её подвела?

Оправдываться перед Лёлькой не имело смысла. Вступать в перебранку Таша не любила. Она привыкла верховодить. Все вокруг, начиная с домашних, были бессловесными исполнителями Наташиных прихотей, подчинялись её воле. Но... вчера налаженный механизм сломался.

– Почему это произошло в день моего рождения? – простонала Таша, смахнув непрошеную слезу. – Спасибо тебе, Лёлечка, за подарок. Угодила, подруженька... Но не думай, что я убиваться буду. Ты первая от нашей дружбы отказалась, а значит, сама во всём виновата. Сиди теперь в своей норке, воспитывай своего Белого мышонка... Никто тебя больше никуда не позовёт, уж я об этом позабочусь... Сгинешь, пропадёшь теперь в одиночестве, помяни моё слово...

Но Лёлька не пропала. Наоборот, оставшись без Ташиной опеки, она поняла, что одной намного лучше. Теперь всё свободное время она посвящала сыну. Он – её радость, её частичка. Ему нужна её любовь, нежность и забота. Оказалось, не только ему.

Михаил Рассольцев снова появился в Лёлькиной жизни через полгода после злополучного дня рождения Таши. Протянул букет цветов.

– Привет! Наконец-то я тебя нашёл. Все вокруг словно сговорились. Никто не хотел мне твои координаты давать.

А я ведь только имя твоё знаю Лёля... Белая Лёля. У тебя фамилия редкая.

– Это фамилия моего мужа Леонида.

– Знаю, теперь уже знаю. Твоя девичья фамилия Ульянова, как у вождя международного пролетариата товарища Ленина. А я Михаил Рассольцев, Рассорцев, – рассмеялся. – Рассорил вас с Ташей...

– И хорошо, что рассорил, – она улыбнулась. – Я Наташу такой не знала. Не предполагала, какая она чёрная и злая. Да и в себе я много нового открыла. Так что, спасибо тебе Михаил Рассорцев, Рассольцев. Зачем ты меня искал?

– Замуж хочу тебя позвать.

– Быстрый ты какой, – хмыкнула Лёлька. – Вначале ты моему Георгию Победоносцу понравиться должен, а потом и поговорим.

– Себя ты, значит, со счетов списала? Вычеркнула из сердца любовь, забыла про главные чувства, про...

– Простите меня, Михаил, – сказала она резко. – Мне некогда слушать морали. Я должна сына из садика забрать. Цветы свои возьмите, подарите кому-то более сговорчивому...

Развернулась, пошла прочь. Разозлилась на себя, на Михаила из-за того, что почувствовала к этому ухоженному красавцу симпатию. Думала ничего подобного в её жизни больше не произойдёт. Ошиблась...

Неожиданно вспыхнувшие чувства заставили Лёльку

вспомнить, что она живая, а значит, не лишена способности любить. Чувства – это знак, знамение...

– Господи, зачем я опять в это окунаюсь? Зачем я теряю голову? Кто поможет мне выбраться из этого омута? Что мне делать? Что? – простионала Лёлька.

Она забрала сына из садика, повела в сквер. Традиции решила не нарушать. Они с Гошей всегда качались на качелях. Всегда...

– Привет, Гошан! – высокий мужчина преградил им дорогу. – Ты стал настоящим мужчиной, вырос. Дай обниму тебя, сынок.

– Па-а-а-па, па-а-а-почка, – закричал Гоша, бросившись ему на шею. – Папка, где ты был так долго?

Лёлька онемела. Её маленький сын целует чужого дядю, а тот прижимает его к груди и блаженно улыбался. Трогательная сцена, нечего сказать. Лёлька не сразу узнала в незнакомце Михаила. А, узнав, растерялась ещё сильнее. Как быть дальше? Не может она привести Михаила в свой дом. Не имеет права это делать. А объяснить малышу, почему папе нельзя пойти в их дом, задача ещё более сложная. Лёлька прижала ладонь к губам.

– Папка, ты знаешь, тетя Аня меня сиротой звала, а я ей все время говорил, что мой папка вернётся обязательно, – голос у Гоши был звонким. От возбуждения он проглатывал букву «р», и это Лёльку умиляло.

– Ты у меня умнейший человечиче, Гошан, – Миха-

ил подобросил его вверх. Малыш рассмеялся.

– Папка, ты навсегда к нам?

– Навсегда, милый, навсегда. Я вернулся и никуда больше от вас с мамой не уеду. Она у нас самая, самая лучшая. Давай её поцелуем.

Запрещённый приём сработал. Лёльке пришлось подставить Михаилу щёку. Гоша втиснулся между ними, пропел:

– Мамапамапапама... .

– Пойдёмте ко мне, – сказал Михаил, но Лёлька заупрямилась, принялась придумывать веские доводы, объясняющие её отказ.

Михаил поставил малыша на землю, спросил:

– Гошан, а ты хочешь переехать в новый дом?

– Дададааа! Мне надоела злобная тетка Аня. Она запирает меня в комнате и не разрешает шалить и бегать, – сообщил малыш.

– В нашем новом доме ты будешь бегать столько, сколько захочешь, потому что там кроме тебя, меня и мамы никого больше не будет. Бежим!

– Бежим в наш новый дом!!! – закричал Гоша, но Лёлька схватила его за руку, сказала строго:

– Гоша, нам нужно собрать твои игрушки...

– Ой, точно, – он скривил губы, собираясь зареветь. Но, глянув на Михаила, выпалил:

– Мамочка, а нам папа поможет игрушки собрать, и...

– Господи, Михаил, зачем ты всё это затеял? – простонала

Лёлька. – Зачем? Это ведь не игра, а жизнь. Мы живые...

– Мы живые и нуждаемся в любви, – обняв её сказал Михаил. – Гошан, мы мамулю защищать должны. Мы должны её слушаться, а значит, нужно идти домой, собирать игрушки. Я сегодня с вами не пойду...

– Ты, ты нас снова бросаешь? – Гоша заревел, схватил Михаила за штанину. – Папка, забери меня... Я больше не могу там оставаться... Там плохо, плохо, плохо...

Михаил подхватил мальчика на руки, поцеловал в щёку, сказал решительно:

– Клянусь, сынок, завтра я заберу вас к себе. Завтра из садика мы поедем в новый дом, в наш дом. Клянусь. Ты мне веришь?

– Да, – Гоша вытер нос. – Ты с мамой за мной придешь?

– Мы с мамой на машине приедем, – сказал Михаил.

– На чёрной Волге? – спросил Гоша с надеждой.

– На чёрной, – Михаил рассмеялся.

У подъезда они простились. Лёлька приказала сыну никому не говорить про то, что папа вернулся. Он понимающе кивнул. Секрет. Быстро собрал свои игрушки в коробку и улёгся спать, чтобы поскорее наступило утро. А оно, как нарочно, не спешило наступать. Ночь показалась мальчику бесконечной. А звонок будильника спасением.

– Ура! Бежим скорее, – торопил он Лёльку.

Они вышли из дома, пробежали через сквер, остановились на светофоре. Рядом притормозила чёрная Волга.

– Папка! – закричал Гоша и рванулся к машине. Лёлька бросилась следом с отчаянным криком: «Сто-о-о-й!» И врезалась в Михаила.

Он подхватил Гошу на руки, обнял Лёльку, выдохнул:

– Родные...

К детскому саду подъехали на машине.

– Мой папка вернулся, – с гордостью сообщил Гоша детям. – Папа меня на чёрной Волге привез и домой заберёт вечером. Вот!

– Ты не хвались больше, – строго сказал Михаил. – Ты же у меня – мужик, значит должен себя по-мужски вести. Договорились?

– Да, – Гоша кивнул, хотя не совсем понял, что значит вести себя по-мужски. В их доме мужчины появлялись редко. Дед всё время сидел в кресле с газетой или книгой, дремал. Очки в роговой оправе соскальзывали с его носа, и Гоше казалось, что у деда четыре глаза. Он думал, что дед нарочно закрывает человеческие глаза, чтобы через большие стеклянные глазища следить за домочадцами, которые на цыпочках проходят мимо. Быть похожим на деда Гоше не хотелось.

Мужа тети Ани Гоша видел редко. Но каждый раз тот казался ему новым человеком. Понять, какой из дяденек настоящий, мальчик не мог. Он попросту перестал реагировать на незнакомцев, пахнущих табаком.

Его папка пах по-другому. Этот запах сразу стал для Гоши родным, любимым. Ему даже показалось, что он помнил

этот запах с рождения. Обрадовался, что мамино лицо по-светлело, словно папка вуаль с него снял. Он маму поцелуем своим расколдовал. Он волшебник. Значит, нужно быть похожим на него. Гоша обрадовался, что все так прекрасно складывается в его жизни.

– Веди себя хорошо, сынок, – попросила его Лёлька. – До вечера.

– До вечера, мапа, – выкрикнул Гоша, убегая в группу.

Михаил довёз Лёльку до работы. Спросил:

– Во сколько за вещами приехать?

– Я думала, ты шутишь.

– Разве этим можно шутить, Лёля? – лицо Михаила стало серьёзным. – Мальчику нужен отец, тебе муж, а мне вы. Я пропаду без вас... Когда я тебя увидел у Таши, сразу понял: вот она – та единственная, моя, ради которой можно пережить все удары судьбы. Хочу быть рядом с ней до последнего вздоха. А когда ты танцевала свой танец, то реальность перестала существовать.

Были только ты и я. Огонь, страсть и безудержная, вулканическая сила любви... Ты это тоже почувствовала, я видел. Наш поцелуй на глазах у всех был кульминацией, взрывом. А потом, когда ты меня отчитывала, как нашкодившего ребёнка, я понял, что именно этого мне не хватало для счастья. Мы с тобой из одной вулканической породы. Наш сын – лучший малыш в мире. И свадьбу мы с тобой сыграем...

– Нет, – она мотнула головой. – Нам незачем свадьбу иг-

рать, раз мы с тобой муж и жена.

– Умница, – он привлёк её к себе. – Люблю тебя, люблю. Мы с тобой просто распишемся завтра, и всё. Я уже договорился в Загсе.

– Зачем же ты так торопишься? – Лёлька побледнела. – Вдруг я откажусь, вдруг...

Он не дал ей договорить. Поцелуй был крепким, долгим, желанным. Лёлька потеряла равновесие, заблудилась в лабиринтах счастья. Блаженство... Как хорошо, что Михаил не даёт ей опомниться. Как хорошо, что он – настоящий мужчина, готовый защищать их с Гошей.

Михаил разжал объятия.

– Пора. Тебя работа ждёт, а меня друг, которому я должен машину вернуть.

– Она не твоя?

– Не моя, – он рассмеялся. – Я ещё не заработал такую. Но у нас всё впереди. В котором часу заехать за тобой?

– Давай в пять...

Лёлька отпросилась пораньше, прибежала домой. Обрадовалась, что никого нет. Достала чемодан, принялась складывать вещи. Хлопнула входная дверь, вернулась Анна.

– Ты дома? – проговорила она раздражённо, воткнула руки в боки. – Куда собралась на этот раз?

– Я замуж вышла, уезжаю к мужу, – ответила Лёлька победоносно.

– Опять замуж? – Анна рассмеялась. – Неугомонная ты

у нас, сестрица. Надеюсь, на этот раз ты вышла за приличного человека.

– Вышла за неприличного, – огрызнулась Лёлька. – Он неприлично красив, умён и богат. У него свой дом, машина чёрная Волга. Пока твой Семён Семенович языком горы сдвигает, мы с Гошей жильём обзавелись. Не будем вам больше глаза мозолить и под ногами путаться.

– Разговорчивой больно стала. Недавно ещё в приживалках была. Смотри, как бы твой богатея не сбежал от тебя, как предыдущий муженёк, – проговорила Анна с такой ненавистью, что Лёлька не сдержалась, бросилась на сестру, вцепилась ей в волосы, завывала:

– Убили Леню, убили... из-за тебя убили...

– Пу-у-сти, – взмолилась Анна. Лёлька ослабила хватку, посмотрела на красное лицо сестры.

– Лёля, что мы делаем? – простонала та. – Мы родные, а ведём себя, как собаки цепные... Что с нами стало? Прости, прости меня, я не знала... Ты же ничего не сказала... тихушница, – Анна уткнулась Лёльке в плечо, разрыдалась. – Прости, Лёлечка... Прости меня, сестричка милая...

– И ты меня прости, Анюта. Прости... – Лёлька отстранилась. – Мне нужно вещи собирать, Михаил приедет скоро.

– Хочешь, я тебе помогу? – Анна оживилась.

– Да...

В передней раздался звонок.

– Кто это? – Анна побледнела. – Это он? Да? Я в ван-

ну пойду. Не хочу, чтоб он меня вот такой увидел. Незачем его в наши склоки посвящать. Скажи, что дома никого нет.

Анна спряталась в ванной, а Лёлька пошла открывать.

– Ну, где твоё богатство? – спросил Михаил с порога. Увидел Лёлькин чемоданчик, рассмеялся. – Не богато. Ну, да ладно. Главное, что мы с тобой нашли, моя дорогая Лёля, Лёлечка. Поехали. Подхватил чемодан, коробку с игрушками и побежал вниз, перепрыгивая через ступени.

– Лёлька, он и впрямь неприлично хорош, – сказала Анна, выйдя из своего убежища. – Я не удержалась, дверь приоткрыла, уж больно хотелось мне взглянуть на твоего избранника. Хорош, хорош... Ах, как бы мне такого паренька в мужья, уж я бы... – осеклась. – Иди отсюда, что стоишь уши развесила. Не слушай меня, это я от зависти... Иди...

Лёлька потом ещё много-много раз слышала слова «Ах, как бы мне такого», но таких, как Михаил больше не было. Рядом с ним и Лёлька стала другой: нежной, женственной, спокойной. Чувство защищённости придавало ей силы, вселяло уверенность в том, что они с Михаилом всегда-всегда будут вместе. Про вечность она думать не смела. Вечность принадлежала Леониду Белому. Вечность осталась с ним, а у неё остались его письма, дневники и сын, который теперь носил фамилию Рассольцев. Так решил Михаил. Он усыновил Гошу, стал ему настоящим отцом. И даже, когда родилась дочь Татьяна, Миша своего отношения к сыну не поменял. Он проводил с Гошей большую часть времени, а де-

вочкой занималась мама Лёля.

В первый класс Гоша пошёл в шесть лет. Тане исполнился год. Первые уроки для нее начались именно в этом возрасте. Гоша стал первым учителем маленькой девочки. Лёлькина семья Михаила приняла сразу. Во-первых, он был коренным москвичом из обеспеченной семьи. Во-вторых, имел хороший заработок. В третьих, любил Лёльку, взял её с ребенком. В четвёртых, он с почтением относился к родителям, а Леонид Белый был беспризорником, детдомовцем без роду и племени, так считал Лёлкин отец, забыв о том, что после войны многие дети остались без родителей, погибших защищая родину... Винить паренька в том, что он вырос в детдоме, было верхом безумия. Но Лёлкин отец не желал внимать голосу разума.

– Босяки нам не нужны, достаточно того, что мы сами из низов выбрались всеми правдами и неправдами, – твердил он надув щёки для пущей убедительности.

– Леонид своим трудом тоже многого добьётся, – защищала любимого человека Лёлька.

– Вот когда добьётся, тогда пусть и свататься приходит. А то ишь, рыбачок нашёлся, на дармовщинку-то, как хорошо. Раз, и московская прописочка. Не вздумай его в дом привести, выгоню с позором...

Вот они и встречались, где придётся, а потом... потом Леонид ушёл в вечность. И Лёлькина память погрузилась в темноту, только тонкая паутинка осталась нетронутой.

Только паутинка...

– Лёля, знай, ты – единственная и самая-самая лучшая. Я тебя никогда не променяю на другую женщину. Не верь никаким слухам, потому что правду ты узнаешь первой, какой бы суровой ни была эта правда, – сказал ей Михаил, когда она переступила порог его дома. – Верь мне. Между нами нет и никогда не будет недомолвок и обмана. Мне пришлось пройти через множество испытаний, вывалиться в грязи и остаться чистым. Поэтому лгать и изворачиваться я не буду. Я – человек чести. Да и жизнь слишком коротка и стремительна, чтобы тратить её на предательство дорогих и любимых людей. Я хочу прожить с тобой долго-долго, лет до ста, если Бог даст. Уверен, Он вознаградит нас с тобой за все страдания, выпавшие нам.

В Загсе Лёлька узнала, что Михаил старше неё на семь с половиной лет. Ей двадцать два, ему скоро тридцать. Тридцать – это заоблачная цифра. Он за эти, разделяющие их годы, прошёл длинный путь. Какой? С кем он был? Почему до сих пор не женат? Что с ним не так? Характер у него прекрасный. Или это с ней он такой, а с другими нет? Может виной война?

Лучше не думать, а спросить напрямую. Пусть Михаил расскажет о себе, о своём прошлом. Он ведь сам предложил ей жить без недомолвок...

Михаил

Когда началась война Мише было одиннадцать лет. Взрывы грохотали где-то далеко от Москвы, поэтому он не понимал озабоченности взрослых. А вот, когда стали строить оборонительные сооружения вокруг города, и мама подолгу не возвращалась домой, он насторожился. Внутри сжалась пружина страха, которая со временем превратилась в гигантского спрута. Как избавиться от этого монстра мальчик не знал. Рассказывать о своём состоянии стеснялся. Надеялся, что со временем всё само-собой уладится. Не уладилось...

Завод, на котором работал Мишин отец, эвакуировали в Ташкент подальше от линии фронта. Здесь была иная жизнь: солнечная, сытная, счастливая. Но даже эта неожиданная радость не смогла вытравить страх из Мишиной души. Объяснение нашлось много позже. Предчувствие будущей трагедии заставило Мишу перейти из детства в старость, минуя юность и прочие этапы взросления.

Всё началось со смены фамилии. Пряча заплаканные глаза, мама сказала, что теперь они будут носить фамилию её бабушки Таисии Рассольцевой. Про то, что они Кромм, нужно забыть. Имя отца теперь не Отто Генрихович, а Андрей Иванович. Соответственно он теперь Михаил Андреевич, а не Михаэль. Мамино красивое имя Эльвира трансформи-

руется в Надежду, потому что корни у них русские, и к немцам они никакого отношения не имеют.

Как удалось родителям выправить документы, Миша так никогда и не узнал. Вопросы задавать запрещалось. Мальчик замкнулся, чтобы не сболтнуть лишнего. Общительному от природы Мише молчать удавалось с трудом. Чтобы меньше встречаться со сверстниками, он помогал отцу на заводе, где люди работали без выходных в три смены под лозунгом: «Всё для фронта! Всё для Победы!» Люди верили, что Победа будет скорой, но дни ожидания растянулись на годы, изматывающие однообразием и безнадёжностью...

Четыре бесконечных военных года и ещё год после Победы они провели в Средней Азии. Здесь Миша закончил школу и влюбился. Любовь стала камнем преткновения. Любовь чуть было не превратилась в надгробный камень на его могиле.

Мишку угораздило влюбиться в красивую узбечку Айю. Она ответила взаимностью, а потом выяснилось, что она замужем, что её муж Фазиль обо всём знает, и теперь его, Мишку ждёт смертная казнь. Про казнь он не поверил, не царские времена, но встречаться с Айей перестал. Ходил теперь по другим улицам. Однако избежать мести ревнивого мужа не смог. Фазиль настроил донос, и шестнадцатилетний паренёк пошёл по этапу. Спасти его от ГУЛАГА родители не смогли. Мама плакала, ругала Мишку за мальчишескую глупость, да что толку.

– Выживет, – сказал отец уверенно.

Эта уверенность Михаила успокоила. А слово «выживет» стало главным на несколько следующих лет. Он выжил, не сломался, хотя работа на шахте, куда его отправили по этапу, убивала крепких, сильных мужчин. Мужики умирали, а он, пацан, держался изо всех сил. Желание вырваться из чёрного шахтёрского забоя помогло Мишке пережить страшное время заключения.

– Я хочу видеть солнце, солнце, солнце, – с остервенением выкрикивал он, отбивая кайлом горную породу. – Я хочу, хочу, хочу, хочу быть свободным...

Заключённые его жалели. Некоторые, правда, над ним посмеивались, узнав, что его вина – адюльтер. Кличка «горе любовник» приклеилась к нему надолго. Михаил поначалу злился, пытался объяснить несусветную несправедливость, но понял, что его правда никому не нужна. А вот силы ему понадобятся, чтобы выжить, значит, их нужно беречь.

– Я должен вернуться в Москву, должен, должен, – шептал он теперь. – Я выживу, выживу, выживу непременно.

На Карагандинской шахте он провел четыре года, которые показались ему вечностью. Закончилась эта вечность так неожиданно, что Михаил оторопел.

– Сдай матрац, – приказал начальник лагеря. – Вот справка НКВД. Ты свободен...

У Мишки подкосились ноги, во рту стало кисло.

– Что стоишь? Ехать некуда? – начальник хохотнул. – Так

оставайся...

Мишка помчался в барак, схватил свои вещи и через пару часов сидел уже на железнодорожной станции. Но выяснилось, что поезд ушёл вчера, а следующий будет только через неделю.

– Иди пешком по шпалам, – предложил начальник станции грузный неприятный человек с одутловатым лицом.

И Мишка пошёл. Побежал по шпалам подальше от этих мест в новую, счастливую жизнь. В том, что его жизнь будет счастливой, он не сомневался. Постепенно бег перешёл в шаг, размеренный, спокойный.

– Эй, соколик, далеко ли путь держишь? – звонкий женский голос показался Мишке звуком ангельского рожка. Было в нем нечто нереальное, неправдоподобное. Откуда здесь, посреди безлюдной степи, женщина? Мираж, наверное. Мишка остановился, повернул голову увидел лошадиную морду. Белоснежный красавец конь, уставший от долгой скачки, раздувает ноздри, тяжело дышит. А на коне восседает Айка. Мишка онемел. Тело стало ватным, еще миг и он рухнет на землю, разобьет голову о шпалы.

– Нет, нет, нет... Убирайся прочь... Сгинь, Айка, сгинь... – мысленно приказывает он. Но Айка не исчезает. Она смеется, спрашивает:

– Нравлюсь?

Он мотает головой и понимает, что это вовсе не Айка. Холодный пот прозрения выступает на лбу.

– Господи, слава Тебе, – шепчет Мишка, хоть никогда в Бога не верил.

– Нравлюсь? – ещё раз спрашивает наездница.

Он кивает. Девушка красива той особой красотой азиаток, перед которой невозможно устоять.

– Не смей смотреть на неё, – приказывает себе Мишка, но не может отвести глаз от незнакомки.

– Садись сзади, – приказывает она. – Я довезу тебя до следующей станции. Не бойся. Прыгай.

– Нет, – сказал он резко. – Нет. Хватит с меня испытаний. Знаю я ваши азиатские фокусы. Ты меня в кишлак привезёшь, а там родственники твои меня с кинжалами да нагайками встретят.

– О-о-о, да ты из заключённых! – воскликнула она, натягивая поводья. Конь взвился на дыбы. – Ты беглый что ли?

– Нет. У меня документ об освобождении есть, – сказал Мишка.

– Покажи, – потребовала она.

– Ты кто такая, чтобы я тебе свои документы показывал? – рассердился он.

– Я Гюзель, – пропела она, хлестнула коня и умчалась прочь.

Мишка с грустью посмотрел на облачко пыли, поплывшее следом. До горизонта безлюдная степь. Сколько идти до ближайшего жилья не ясно. Но идти нужно. Вперед, Михаил...

Гюзель поджидала его на соседнем полустанке. Сидела на скамейке возле дома с одним окном и длинной, выдвинутой вперёд крышей. Конь стоял поодаль.

– Садись, – приказала она. – Давай свои документы.

Мишка повиновался. Она прочла его справку, улыбнулась.

– Куда идёшь, Михаил Андреевич?

– Домой, в Москву.

– В Москву далеко... А вот до соседней станции подвезти могу.

– Не нужно...

– Тогда иди в дом. Там пусто. Спи, а я покараулю. Да не бойся ты, я не кусаюсь. Иди, иди, – подтолкнула его к двери. – Я там одеяло постелила, чтобы тебе мягче было. Отвык, небось ото всего домашнего? Кумыс на столе и лепёшки, кушай.

Мишка отказываться не стал, схватил тёплую лепёшку. Гюзель рассмеялась и убежала. Мишка видел, как она вскочила в седло и исчезла за горизонтом. Обрадовался. Доел лепёшку, улёгся на кровать. Стёганое лоскутное одеяло пахло чем-то родным. Он уткнулся в него лицом и заснул безмятежным сном. Впервые за долгие годы заключения он увидел сон да такой фантастический, что его можно было принять за реальность. Или это была реальность, слившаяся со сном, после которой осталось ощущение неземного блаженства. Мишка прижимался к упругой груди Гюзели, це-

ловал ее в губы, пахнувшие полынью и пил кумыс, льющийся через край из золотого сосуда. Позвякивали бубенчики на конской уздечке и чёрные девичьи косички превращались в шёлковые тугие пряди... Блаженство...

– Эй, соколик, счастье своё проспишь, вставай! – услышал Мишка звонкий женский голос. Вскочил. К полустанку пыхтя подъезжает паровоз. Настоящий, железный с красной звездой.

– Паровоз? Быть не может, – Михаил потер глаза. – Сказали же через неделю...

– Так неделя и прошла, – Гюзель рассмеялась, бросила ему расшитый бисером кисет. – На память обо мне. Прощай!

– Неделя? Неделя...

Мишка запрыгнул на подножку. Ему не верилось в реальность счастья, свалившегося так неожиданно. Гюзель довольно долго скакала рядом с поездом, что-то выкрикивая на своём языке, а Мишка с остервенением махал ей. Было в этом движении что-то неестественное, фальшивое, словно он пытался отмахнуться ото всего, что было на этом полустанке, в этом маленьком домике, где они с юной наездницей провели неделю...

– Скачи уже домой, – заорал Мишка что есть сил. Гюзель его слышала, натянула поводья. Белый конь остановился, а паровоз помчался вперёд. И вот уже нет девушки на лошади, нет прошлого, а есть счастливое будущее, в которое

едет Михаил Рассольцев...

– Миша, родной, живой, – мама залилась слезами. – Счастье-то какое...

– Так, что же ты плачешь? – обняв её, спросил он.

– От радости, сынок...

– Здравствуй, сын, – отец постарел, но рукопожатие его осталось таким же крепким. Он не любил сантиментов, Миша это помнил, но не сдержался, обнял отца.

– Спасибо тебе, батя. Я выжил благодаря твоей уверенности.

– Ты выжил, потому что ты – Кромм. В нашем роду никогда не было сдюнтяев только борцы и победители. Предки наши приехали в Россию ещё при Петре Первом, обосновались в Москве. Революцию 1917 года приняли, не сбегали, не струсил, выжили... Война наш род не истребила. Потрепала слегка, – вздохнул. – Прости, сынок, что мне пришлось предателем стать, фамилию и имя сменить, от корней отказаться. Но, я не мог поступить иначе. Я вас с матерью уберечь пытался... Ты, правда, Мишка, сам на свою голову беду накликал, биографию себе подпортил любовными похождениями, но сделанного не воротишь.

– Батя, прошу тебя, не начинай. Кто же знал, что так всё обернётся, что из-за любви я изгнанником стану.

– Бог знал, – проговорил отец негромко. – Есть в Библии хорошие слова «Не берите за себя жён иноземных, чтобы они не развратили вас».

– Ты мне раньше про это не говорил.

– Вера и сейчас под запретом, но Бог есть, я в этом уверен. Ты вернулся – это одно из доказательств Его существования. Ладно, отдыхай. Будем считать, что всё плохое позади, а впереди у тебя новая, светлая, счастливая жизнь. Вместо справки своей получишь паспорт и станешь полноправным гражданином Советского Союза...

Таша

Паспорт Михаил получил только через девять месяцев. Всё это время он работал дворником на Остоженке. Там-то они и познакомились с Ташей, Наташей Берг. Поначалу она смотрела на Михаила свысока, а когда он помог ей открыть дверь, взобравшись по водосточной трубе на второй этаж, оттаяла. Постепенно между ними завязались дружеские отношения. Таша приглашала Михаила на чай, вела с ним долгие беседы на разные темы.

– Откуда ты, дворник, столько знаешь? – не удержалась она от вопроса.

– Это секрет, – ответил он. – Я ведь не простой дворник, я – тайный агент.

– Надеюсь, ты на нас донос писать не будешь, – она подавалась вперед.

– Не буду, – он отстранился. – Я, вообще, писать не умею.

– Ах, Миша, не пойму я тебя, когда ты шутишь, а когда правду говоришь. Но именно это мне в тебе и нравится. Именно это...

Михаил понял, что отношения их выходят за рамки дозволенного и решил ретироваться.

– Наташенька, меня любить нельзя, – сказал он строго. Она вздрогнула, покраснела. Она привыкла побеждать, а тут, какой-то дворник, вздумал ей советовать, что можно, что

нельзя.

– Глупость какая. Любить можно, кого захочется.

– Это так, Наташенька, но меня любить нельзя, потому что я не смогу ответить взаимностью.

– Почему? – она разозлилась. – Что за вздор?

– Пойми, ты – юное, нежное создание. У тебя впереди жизнь полная ярких впечатлений, а у меня другой путь, – Михаил старался быть убедительным, но чувствовал, что это у него плохо получается. Ещё немного, и он сдастся, поддастся очарованию этой нимфетки.

– Хватит, – она зажала уши. – Не желаю ничего слушать. Ты еще пожалеешь, пожалеешь, что отказался от меня. А я дважды не предлагаю... – осеклась. – Ты от меня отворачиваешься? Да?

– Нет. Я от тебя, Наташенька, отодвигаюсь на почтительное расстояние, а это не одно и то же, – он улыбнулся, поняв, что битва закончена в его пользу. Он устоял.

– Наташенька, ты умница, красавица из богатой семьи...

– Заткнись, – она стукнула кулачком по столу. – Да, мой отец большой начальник. Да, у нас пятикомнатная квартира и домработница. Но это не имеет никакого отношения к моим чувствам, к моей любви и страсти...

– Страсть пройдёт, и ты меня возненавидишь, – он поднялся. – А я хочу, чтобы между нами сохранились нежные, доверительные отношения. Мы будем друзьями, Таша. Ты мне еще скажешь спасибо за то, что я отстранился от тебя

сейчас.

– Скажу, если ты меня поцелуешь. Ну... – она подошла к нему вплотную, вытянула губы вперёд. Михаил поцеловал её в лоб. Таша схватила его за лацканы пиджака.

– В губы, в губы, ну...

И он её поцеловал...

Хлопнула входная дверь. Таша оттолкнула Михаила, процедила:

– Благодарю. Ты целуешься великолепно. Проваливай. Я тебя отпускаю. Я на тебя не сержусь, потому что ты – трус... Хотя, нет, ты не трус. Только сильный человек может отказаться от страсти, побороть её. А значит... – рассмеялась. – Я приказываю тебе стать моим верным рыцарем и приходите ко мне по первому зову.

– Не получится, потому что я поступил в институт, – сказал Михаил.

– В институт? Интересно в какой? – спросила Ташина мама Степанида Андреевна, появившаяся в дверях.

– Во ВГИК на сценарный факультет.

– Поздравляю, – пропела Степанида Андреевна без особой радости. Для нее ВГИК был чем-то вроде института для дворников. Что это за профессия такая – сценарист? Глупость...

Когда Михаил ушёл, Таша подошла к зеркалу, облизала припухшие губы.

– Хорошо... Ах, как же мне хорошо было... Мне понрави-

лось. Его рука скользнула мне под блузку... Ну, почему мама так рано вернулась? Она всё испортила. Еще миг, и Мишка бы сдался, сдался... – отвернулась от зеркала. – Хорошо, что мама пришла. Мишка мне не нужен. Он прав, мы из разных сословий. Родители никогда не одобряют мой выбор. К тому же, быть рядом с дворником – это всего лишь прихоть избалованной девочки. Прихоть и только. Я просто хочу сорвать запретный плод, и Мишка на данный момент подходящая кандидатура. Он симпатичный, умный, но...

Я его не люблю. Он не в моём вкусе. Он не похож на героев любовников из фильмов, которые завоевывают женские сердца, совершая безумные поступки. Мишка – нудный дядька, не понимающий, что такое настоящая страсть. Если бы он что-то в этом смыслил, то бросился бы на меня с горящими глазами, а не шархнул в сторону от моего неожиданного предложения... Я, я заставила его целоваться, я силой вырвала долгожданный, желанный поцелуй, – Таша облизала губы. – Мне было хорошо. Очень-очень... А это значит, господин будущий сценарист, что мы повторим поцелуй ещё раз... – рассмеялась. – Мы обязательно повторим его ещё много-много раз... Я что-нибудь придумаю... Ты, Мишка, в моих сетях, в моей власти...

Фантазия у Наташи была богатой, возможности родителей безграничными. Вскоре квартира Бергеровых превратилась в салон всех муз, куда Таша раз в месяц приглашала разных интересных людей. Среди них неизменно присутствовал

Михаил. Страсть к нему Таша победить не смогла. Незаметно сама запуталась в собственные сети. Магия первого поцелуя была такой сильной, что сводила Ташу с ума. Все последующие поцелуи были уже не такими страстными и волшебными. Многочисленные испытательные поцелуи лишь сильнее разжигали в ней желание быть с Михаилом.

В свой день рождения Таша намеревалась повторить желанный поцелуй при всех, а Мишка повёл себя, как последний болван. Он всё испортил, насолил ей, Вареньке и Лёльке. Таша была вне себя.

– Раз ты не можешь без соли и слёз, Мишка, то и я тебе насолю, – сказала она решительно и поехала на Лубянку. Возле памятника Дзержинскому остановилась.

– Что я делаю? – спросила она, глядя в пустые глазницы железного Феликса. И сама себе ответила:

– Я собралась предать человека... – вздрогнула, испугавшись собственной откровенности. – Ужас какой, Таша... Оставь его в покое, пусть он живёт со своей Лёлькой... Пусть...

– Кого я вижу?! Наташенька, какими судьбами? – раздался за её спиной знакомый голос. Она обернулась. Папин приятель Борис Ильич Лавренёв.

– Здравствуйте, – она протянула ему руку. Он прикоснулся губами к тонким Наташиным пальцам.

– Ждёте кого-то? – спросил с надеждой в голосе.

– Нет, – она мотнула головой. – Просто шла мимо, и...

Борис Ильич еще ей ничего не сказал, а она уже была согласна на все его предложения, зарделась от предвкушения неизвестного.

– Давайте пообедаем вместе, – Лавренёв снова прижал её руку к губам. – Не отказывайтесь, Натешенька. Вы ведь в Метрополе ещё не были?

– Ещё не была...

– Значит, я вас приглашаю. Едемте...

И вот они в самом дорогом ресторане Москвы. Блеск и помпезность сделали своё дело. Лавренёв остался доволен.

– Девочка сдастся без боя, – подумал Борис Ильич, глядя в Наташины сияющие глаза. – Несказанная удача. Нечаянная радость. Выстрел в десятку!

Таша в эту минуту тоже думала о нечаянной радости, виновником которой стал Мишка Рассольцев. Если бы она не решила мстить ему, то не сидела бы сейчас с богатым человеком за столиком, покрытым белоснежной скатертью. Пусть Лавренёв не супер красавец, зато он занимает такую должность, о которой Мишка и помыслить не может. Перспективы у этого мальчика никакой. Он будет до самой старости сценарии строчить и надеяться на чудо... Пусть строчит... Деятель искусств...

– Вы о чем-то всё время думаете, – Лавренёв погладил Ташину руку. – О чём?

– Секрет, – сказала она кокетливо.

– У меня тоже есть секрет, но я его вам открою, – Лав-

ренёв придвинулся ближе. – Меня назначили полномочным представителем торгпредства в Германии, и я хочу, чтобы со мной поехала ты, Наташенька. Времени на раздумья у нас не так уж много, поэтому жду ответ сейчас. Да или...

– Да. Я хочу поехать с вами, Борис Ильич. Вы мне симпатичны. Вы...

– Радость моя, – он сжал её руку. – Завтра в Грибоедовском Загсе нас распишут.

– Давайте перенесём роспись на послезавтра. Мне же наряд подвенечный нужно купить, – Таша покраснела. Лавренёв взял её за подбородок, поцеловал в губы. Поцелуй ей не понравился, а вот слова, сказанные потом, окрылили Ташу.

– Конечно, душа моя, мы должны купить тебе самый лучший подвенечный наряд. Завтра мой шофёр отвезёт тебя в салон. Тебе подберут платье не хуже королевского. Все московские модницы сойдут с ума, увидев тебя на обложке журнала «Огонёк».

У Таши загорелись глаза. Да-да, все увидят и лопнут от зависти. Лопнут, лопнут, а Мишка в первую очередь. Ох, и дался он мне... Не выбросить из сердца никак. Засел, как заноза...

Перед отъездом Таша пригласила Михаила на встречу.

– Я вышла замуж, – сообщила она ему вместо приветствия.

– Рад. Поздравляю. Кто муж?

– Посол, – соврала она. – Уезжаем завтра в Потсдам или Берлин, я толком не поняла, – усмехнулась. – Выучу немецкий, стану настоящей фрау. Приедешь ко мне?

– Нет, Таша.

– Неужели, ты не хочешь посетить историческую Родину? – она округлила глазки.

– Моя историческая Родина здесь. Я родился в первом роддоме Москвы в 1929 году, – сказал Михаил резко. Рассвирепел. Хотел наговорить Таше гадостей, но спохватился. Подумал:

– Откуда она знает про то, что у меня отец немец? Что это – проверка или игра? Зачем она всё это затеяла именно сейчас, когда жизнь так прекрасна?

– Зачем ты меня позвала? Похвастаться хотела? – спросил Михаил сквозь зубы.

– Нет, – Таша вскинула голову. – Нет, Мишка, нет... Я хочу... хочу, чтобы ты меня поцеловал... – голос дрогнул. Было видно, что признание дается ей с трудом. – Хочу, Мишка, тот поцелуй... Глаза закрываю и чувствую твою руку под блузкой... Это невыносимая мука... Я ведь от тебя убегаю, Мишка, от любви своей бегу в Германию. От этих ощущений... Пытаюсь тебя забыть... Забуду, наверное, если ты поцелуешь меня прощальный поцелуй. Хочу запомнить тебя таким, каким ты был до встречи с Лёлькой... Ты другим был... Я другой была, а теперь между нами пропасть... Я пропадаю, лечу в эту про-пасть... Ох, Мишка, Мишка... Ты моя боль

и моё счастье, несбыточность моя... Зачем ты мне только встретился? Кому это нужно было? – и с улыбкой. – Мне, мне это было нужно... Ради одного нашего поцелуя жить стоило...

Таша взяла его за лацканы пиджака. Их губы встретились. Его рука скользнула ей под блузку. Миша сделал это машинально, неосознанно, потому что тоже не мог забыть первый поцелуй, ставший для него символом свободы и новой жизни. Целуя Ташу, Михаил понимал, что поступает плохо, но чувства вины не испытывал, наоборот, его переполняла радость и уверенность в том, что своей свободы он не утратил. Таша ему не нужна. Мало того, она ему не интересна совершенно. И он легко рвёт с ней все связи. Прощальный поцелуй разъединяет их навсегда.

– Ты божественно целуешься, Мишка, – Таша прижалась к нему всем телом. – Что, что ты со мной делаешь. Я умру без тебя...

– Не умрешь, – сказал он сухо.

– Вечно ты все портишь, – Таша оттолкнула его, отвернулась. Он взял её за плечи, шепнул:

– Ты не умрешь по одной причине. Ты должна мне нос утереть. Ты же обещала доказать, что я – болван, потому что у меня в руках бриллиант был, а я вместо него уголёк выбрал.

– Мишка, – она повернулась, глаза горят, – давай броси- всех и уедем в Сибирь!

– Нет. Я предателем никогда не был.

– А сейчас, что ты делаешь? – она попыталась дотянуться до его губ. Он отстранился, улыбнулся.

– Это, Наташенька, не предательство, а прощание с прошлым. Милая девочка Наташа Бергерова, жившая на Остоженке в доме номер два, осталась на черно-белых фотографиях прошлого. С красивой богатой фрау Лавренёвой – Бергя ничего общего иметь не желаю. Прощайте.

– Ладно, иди, – она погладила его по груди. – Я тебя, Мишка отпускаю. Помни меня, ладно? Не держи зла на меня... Лёльке своей привет. Я вас очень люблю, очень... – вскользь поцеловала его в щеку, подтолкнула к двери. – Прощай...

Таша уехала из Москвы, чтобы никогда больше не возвращаться. Борис Ильич оказался жутким ревнивцем. Жизнь Таши состояла из одних запретов. Лавренёв запирали её в доме, иногда поколачивал, и Таша не выдержала, отравилась, написав в предсмертной записке: «НЕНАВИЖУ!»

Борис Ильич прожил без неё ровно месяц. Он застрелился в своём кабинете. Вскрылись факты, доказывающие, что Лавренёва завербовали американские спецслужбы, и смерть стала для него спасением от публичного разоблачения. Дополнительное расследование показало, что Наташа о предательстве мужа узнала, за что и поплатилась. Лавренёв отравил её, инсценировал самоубийство. Он не знал, что Наташа отсылала матери письма, в которых высказывала опасения

за свою жизнь.

– Я – борец, борец, мамочка. Я хочу жить, хочу детей рождать, а у Бориса другие планы, другие виды на жизнь. Он – оборотень. Он ловко втирается в доверие, а потом... Ах, мама, лучше бы я его не знала. Лучше бы я не соглашалась на этот брак. Не брак это вовсе... прикрытие, завеса для глупцов, за которой открывается ужасающая правда... Надеюсь, я смогу обо всем рассказать... Я должна жить. Я – борец, помни об этом!

Именно эти строки насторожили родителей Таши. Они не верили, что их дочь Наташа могла выпить сотню таблеток. Скорее всего, её заставили это сделать. Ей насильно втокнули в рот таблетки, а причина смерти другая.

Провели повторную эксгумацию и обнаружили в крови Наташи цианистый калий смешанный с сильнейшим отравляющим веществом, которое во время войны использовали резиденты в случае провала. Моментальная остановка сердца, смерть без мучений...

О страшной трагедии Лёлька узнала от Наташиной мамы Степаниды Андреевны. Та позвонила им и сдавленным голосом рассказала о случившемся, попросила Мишу зайти, добавила:

– Они ведь с Наташенькой дружили...

Лёлька хотела сказать, что они тоже были подругами, но промолчала. Раз зовут Мишу, пусть идёт он, а она останется с детьми...

Михаил вошел в знакомую квартиру Бергерových, которая показалась ему теперь маленькой, неудобной, грязной. Запах валерьяновых капель и ещё каких-то неприятных лекарств ударил в нос. Грузная от природы Степанида Андреевна еле передвигалась по дому. Шаркающие шаги свидетельствовали о том, с каким трудом она преодолагает боль утраты. Губы дрожат, в потухших глазах пустота. Видя, не видит ничего, словно слепая. Крепко сжала руку Михаила, схватилась за него, как за спасительную опору, всхлинула:

– Не могу оправиться после потери... Ах, горюшко горькое... Наташенька, да зачем же ты, детка?

Михаил машинально погладил Степаниду Андреевну по спине. Она подняла голову. В глазах появились живые огоньки.

– Миша, она ведь тебя любила, а мы против были... Если бы можно было всё назад вернуть, я бы уговорила отца. Сейчас бы ты нашим зятем был, и Наташенька бы живая, счастливая песни пела... – слёзы, кашель, хрипы прервали речь Степаниды Андреевны. И снова успокаивающий жест Михаила по её сгорбленной спине. И снова болезненный блеск в глазах и голос откуда-то из грудных недр, надтреснутый старческий.

– Единственную дочку потеряли... Копили, собирали... И кому это всё теперь? – махнула рукой, уткнулась

в грудь Михаила. – Умру я скоро. И не возражай мне, я знаю... Таша меня зовёт каждую ночь... Пойдём в её комнату...

Толкнула дверь, подошла к столу, взяла тетрадь в кожаном переплёте, сказала:

– Таша тебе велела передать. Это её дневник. Я не читала... Боюсь, что сердце разорвётся от боли, а ты читай... Садись вот тут в кресло, и читай... Наташенька любила тут сидеть. Бывало заберётся с ногами, вот этим пледом укроется, торшер включит и читает или пишет. Я её спрашиваю, что ты читаешь, дочка? Стихи Шекспира – отвечает, – подобие улыбки отразилось на старческом лице. – Ах, мечтательница моя милая, где ты теперь? Какие салоны открываешь? Какие музы тебе романсы поют и стихи читают? – опомнилась. – Возьми Миша, почитай... А мне нужно лекарства принять...

Михаил не горел желанием погружаться в тайные записи Таши Берг. Они с ней простились пять лет назад, разорвав нити прошлого. Зачем ему теперь знать о фантазиях избалованной барышни? Уйти сразу он не может. Нельзя обижать Степаниду Андреевну. Что делать? Сел в кресло, открыл тетрадь. У Таши был красивый ровный почерк. Некоторые буквы она нарочно украшала, пририсовывая завитки. Каждая страница пронумерована. В правом верхнем углу да-та.

Михаил нашёл год их знакомства. Там была сделана только одна запись: «ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ!!!» Таша обвела

ее несколько раз, подчёркивая значимость этого события. На следующей странице она написала: «УРА! СВЕРШИЛОСЬ!» и поставила дату своей свадьбы.

Михаил закрыл дневник и открыл снова, наугад. Между страниц лежала фотография изображением вниз. Надпись Михаила насторожила.

Вот от кого ты отказался!

Вот от чего ты отказался!

Вот о ком ты будешь помнить вечно!!!

Он перевернул снимок. Вид обнаженной Таши вызвал приступ омерзения и тошноты. Михаил вскочил, уронил тетрадь на пол, наступил ногой на снимок, потом схватил его и порвал на мелкие кусочки. Едва он спрятал обрывки в карман, открылась дверь.

– Что, Мишенька, уходишь уже? – спросила Степанида Андреевна, глядя мимо него.

– Да, мне пора. Держитесь. Мы тоже с Лёлей опечалены. Мы Наташу любили.

– Любили... – повторила она, пропуская Михаила. – Спасибо, что навестил нас... Заходи иногда... Лёлю целуй и детишек.

Они, наверное, большие уже:

– Да, Гоше десять, а Танюшке пять.

– И у нас внучата могли быть ... – она закрыла лицо руками.

– Держитесь, Степанида Андреевна, – Михаил обнял её,

погладил по спине. – Держитесь...

– Спасибо, Мишенька... Ступай...

Он вышел на улицу, рванул ворот рубахи. Долго стоял под деревом и не мог надышаться. Противный запах смерти никак не выветривался из сознания. Вспомнил про обрывки фотографии, выбросил их в мусорный бачок, с остервенением принялся тереть ладонь о штанину, словно к ней приклеилось что-то липкое, мерзопакостное. Начавшийся дождь прогнал Михаила с Остоженки.

Он пришёл домой, выпил рюмку водки и подробно рассказал Лёльке обо всех своих злключениях с самого начала. Она выслушала молча, ушла в комнату и оттуда крикнула:

– Это всё было до меня, в прошлой жизни, а значит этого не было. Наш метроном вечности настроен на другие длины волн.

– На другие, – подтвердил Михаил, войдя в комнату. – Я люблю тебя, помни об этом. Ты – единственная женщина, ради которой я готов на любое безрассудство.

– Я тоже люблю тебя, милый, поэтому ни на какие безрассудства толкать тебя не буду, – сказала Лёлька, прижавшись к нему.

Михаил поцеловал её в губы. Рука невольно скользнула ей под блузку. Этот машинальный жест острой болью пронзил сознание. Громом с небес прозвучали Ташины слова:

– Свершилось! Теперь целуя жену, ты будешь вспоминать меня... Я буду всегда между вами. Отныне я стану твоей му-

кой, Мишка... Отныне и навек... Навек...

Протуберанцы любви¹

Лёля и Михаил отпраздновали бриллиантовую свадьбу. Шестьдесят лет вместе! Кто бы мог подумать? Дети выросли, родились внуки, правнуки. Их семейное древо крепко и ветвисто. Они счастливые люди. От Гоши дочь и внучка. У Тани трое детей, шестеро внуков и три правнука.

Несмотря на то, что жизнь была непростой Лёля и Михаил сохранили любовь, доверие и нежность друг к другу. Всё, вроде бы, хорошо, но паутинка, оставшаяся в Лёлиной душе, тянет её в прошлое. Тянет сильнее, чем корабельный канат. Нет сил сопротивляться.

– Вернись, вернись, вернись, – непрестанно стучит в висках Лёли. Нет больше сил сопротивляться, и Лёля заявляет решительно:

– Миша, я еду в Сибирь.

– Ты уже взяла билет? – он оторвался от чтения газеты, посмотрел на жену поверх очков.

– Ещё нет, – она улыбнулась. – Я просто решила туда поехать. Решила только что.

– Ну, раз решила, поезжай, а я воздержусь. Не два-

¹ Протуберанцы (*нем.* Protuberanzen, от *лат.* protubero – вздуваюсь) – плотные конденсации относительно холодного (по сравнению с солнечной короной) вещества, которые поднимаются и удерживаются над поверхностью Солнца магнитным полем.

дцать уже, чтобы по местам боевой славы путешествовать. А ты поезжай. Поезда сейчас хорошие, не то, что раньше – теплушки.

– Спасибо тебе, родной, что отговаривать меня не стал, – она погладила его морщинистую руку.

– Я тебя, Лёлочка, понимаю, – Михаил снял очки, отложил газету. – Мы с тобой хоть и доисторические древности, но чувства наши остались сильными, как в молодые годы. Мне даже кажется, что с годами они сильнее, ярче стали. Я тебя люблю и доверяю тебе. Поезжай. Сходи на могилку Леонида Белого, расскажи ему про Георгия Победоносца своего, про меня. Хотя...

Условности всё это, Лёля. В той могилке давно никого нет, и кости сгнили, наверное, за шестьдесят с лишним лет. А вот душа – особая субстанция. Она бессмертна. Нет для неё преград земных больше. Летает твой Лёнька над землей и смотрит на нас с тобой. Радует, что всё у тебя сложилось, что с хорошим человеком ты жизнь прожила.

– Так уж и прожила? – воскликнула Лёлька воинственно. – Ты мне это брось. Мы с тобой еще лет десять вместе прожить должны, как минимум. Хотя... На всё воля Божья, как сейчас модно говорить. И нам с тобой пора к какой-нибудь вере прикрепиться.

– Пора, пора, моя родная...

Лёля купила билет и отправилась в прошлое. Колёса стучат на стыках рельсов, навевая грусть. Вернусь... В её су-

мочке лежат письма и дневники Леонида Белого. Зачем она их везёт в Сибирь, не ясно. Просто везёт.

После Лёниной смерти она их ни разу не открывала, боялась. А теперь достаточно только взглянуть на тетрадь, чтобы память вернула забытое. Говорят в старости помнится прошлое лучше, чем настоящее. Возможно. Но как объяснить, что даже голос Леонида она отчётливо слышит сейчас, несмотря на то, что не слышала его вечность.

– Почему ты назвала наш дневник Хроматографом? – Леонид лежит на траве, закинув руки за голову. Она сидит рядом в ситцевом цветастом платье и сплетает венок из ромашек.

Лето. Солнце. Полуденный зной. Воздух чуть подрагивает поднимаясь над землёй.

– Почему Хроматограф? Да потому, что с помощью этого прибора мы с тобой проведём спектральный анализ, разложим на длины волн наши мысли, эмоции, чувства и поймём, что в жизни главное, а что в ней второстепенное, – ответила Лёлька.

– Второстепенного у нас с тобой нет, милая моя Лёлька. У нас всё главное. Всё, всё, всё. Каждый вздох, каждый миг рядом с тобой – радость, – Леонид приподнялся. – Люблю тебя безумно. Спасибо, что ты не испугалась и приехала ко мне «во глубину сибирских руд», в неизвестность, называемую Чугуевкой, – рассмеялся. – Я в последнее время слова на слоги раскладываю. Знаешь, очень любопытно. Вот

к примеру Чугуевка. Чу – словно предостережение. Стойте, не спешите. Гуев – это сибирский старожил. Этакий старичок лесовичок бородатый. Ка – это удав из книги Киплинга. Только здесь нет удавов. Здесь змейки юркие, незаметные, поэтому и говорят о них без особой почтительности в финале.

– Выдумщик ты у меня, Лёничка, – она потёрлась щекой о его щёку. – Выдумщик.

– Это точно, – подтвердил Леонид. – Но дар мой особенный появился благодаря тебе, Лёлечка дорогая. Ты во мне столько всего открыла, о чём я представить не мог. Внутри меня вулкан клокочущий, готовый вырваться наружу в любой миг. Или нет, лучше не вулкан, а протуберанцы, которые магнитным полем твоей любви удерживаются на солнце. А это значит, что их в хроматограф заталкивать не нужно. Нужно просто любить. Любовь – это величайший дар. Счастлив тот, кто его обретает.

– Обрести мало. Нужно сохранить любовь. Мне она видится огоньком на ветру, который может погаснуть в любой миг. Не хочу, чтобы он гас. Пусть разгорается сильнее день ото дня. Пусть в большущий костёр превратится...

– В пионерский, у которого мы будем петь пионерские песни, как в детстве, – добавил Леонид, поцеловав Лёльку в лоб. – Пионерские песни споём, и поверим в сближенье планет, и космической далью пройдем, чтобы вместе прожить до ста лет.

– Дожить до ста лет – это настоящая фантастика! Мне сейчас девятнадцать, тебе – двадцать два, это значит впереди у нас...

– Вечность, мой дорогой физик, – сказал Леонид, помогая ей подняться с травы. – Не переводи жизнь на цифры, Лёлочка. Наслаждайся её неповторимостью сегодня, потому что завтра будут другие облака, цветы, шмели, ветер, деревья, небо. Мы другими завтра будем, на день повзрослеем. Но мне лично хочется остаться ребёнком, смотрящим на мир восторженно и беззаботно. Знаю, знаю, от забот не уйти, но... заботы эти не должны над нами главенствовать, потому что мы с тобой – пионеры, первопроходцы, первооткрыватели...

– Хорошо мне с тобой. Лёгкий ты человек, – Лёлька надела Леониду на голову веночек.

– Не-е, я не лёгкий, я тяжёлый. Это ты у меня лёгкая, как пушинка, – он подхватил её на руки, закружил. – Всю жизнь тебя на руках носить буду, Лёлька. Всю-ю-ю жизнь!

Поезд остановился. Купе опустело. Лёля с интересом наблюдала за жизнью перрона. Казалось, за шестьдесят с лишним лет здесь, в Сибири, ничего не изменилось. Ну, разве только наряды чутьчуть поменялись, а сама жизнь замерла на том временном отрезке, который был дорог Лёлькиному сердцу.

– Картошечка горячая! Огурчики малосольные! Рыб-

ка пряного посла! – выкрикивали торговки. – Молочко натуральное!

От наблюдений Лёльку отвлѣк высокий юноша, вошедший в купе.

– Здравствуйте! Я буду вашим попутчиком, – сел напротив. – Вы до какой станции едите?

– До Чугуевки, – ответила она.

– Совпадение какое! И я туда же. Тётушку решил навестить. Она у меня телефонистка со стажем. Юбилей у неё в этом году восемьдесят – солидный возраст, – сел напротив. – Меня Марком зовут. А вас?

– Лёля Наумовна.

– Прямо вот Лёля и всё?

– Прямо вот Лёля, – подтвердила она.

– Здорово. Редкое имя. Я люблю необычные имена, особенные. Есть в них что-то такое фантастическое что ли. В вашем имени слышится нежная музыка любви. Вы, наверное, счастливый человек, Лёля Наумовна. С таким именем несчастной быть нельзя. Я прав?

– Правы, Марк, правы, – она кивнула, вспомнила, что Леонид ей в первую их встречу такие же слова говорил. Дежавю. – Сколько вам лет, Марк?

– Мне двадцать два уже, а вам?

– Мне далеко за двадцать, далеко, – она рассмеялась.

– Смех у вас, как у девчонки, – сказал Марк. – Вы – женщина без возраста, Лёля Наумовна. Можно я вас угощу? Я

тут пирожков купил на перроне.

– Ещё горячие, – сказала Лёля, взяв один. – С чем они?

– Не знаю, я не спрашивал, – ответил Марк. – Я забрал у бабушки всё, что было и в поезд прыгнул. Проводнику два чая заказал, пить хочу ужасно. Жарко, а в жару чай самое милое дело.

– Самое, – подтвердила Лёля. Миша ей всегда говорил про чай и прибавлял:

– Казахи в чай кумыс добавляют, а мы охлаждённой водичкой обойдёмся за неимением оного...

Лёля не сразу поняла, что эти слова она не вспомнила, а их произнёс Марк. Улыбнулась, положила пирожок на стол, спросила:

– А вы откуда родом, Марк?

– Мы все родом из детства, – он подмигнул ей, откусил пирожок. – О, с капустой. Вкусно. Кушайте, Лёля Наумовна.

Смутная догадка кольнула Лёлю в сердце. Два лица, Мишино и Лёнино, слились в лицо Марка. Наваждение. От жары, наверное.

– С вами всё в порядке? – спросил Марк участливо. – Вы так побледнели. Давайте окно откроем. Что же мы в духоте сидим. И дверь распахнём. Лучше?

– Да, спасибо. Но духота здесь ни при чём. Это память... – Лёля вздохнула. – Странная штука – память. Подкидывает порой нечто, а ты понять не можешь, что с этим делать-то теперь. Вот и сейчас вы мне мужа напомнили. Похожи вы

на него двадцатилетнего.

– Не удивляюсь. На нашей планете есть множество похожих люди, двойников. Живут они себе в разных странах, и не подозревают, что где-то ходит точная копия, дубликат на случай потери кода ДНК. Мы задумали передачу сделать на эту тему. Название придумали: «Найди свою копию, землянин». Уже человек сто откликнулось. Точные копии, вы не поверите. Говорят они на разных языках, а ощущение, что близнецы. Так не бывает, думается нам, ан нет, бывает. Нас всех клонируют и помещают в разные жизненные условия. Проверяют на выносливость, на коммуникабельность. Подвид европейский отправляют в холодный климат. Африканский – в жару. И так далее...

– Вы кто по профессии?

– Я ВГИК закончил, сценарный факультет. Кушайте, кушайте, Лёля Наумовна. Чай пейте. Мы еще закажем, и я вам про свои планы расскажу, если захотите мою исповедь услышать.

– Исповедь – звучит интригующе. Готова вас послушать, Марк, – она надкусила таки пирожок. Сдобный, ароматный из юности.

– Ура! Наконец-то появился человек, желающий послушать собеседника, – Марк отхлебнул чай. Отхлебнул шумно, с причмокиванием. – Сейчас ведь слушать люди не хотят и не умеют. Все говорить любят. Кругом самовлюблённые ораторы, воспевающие собственную гениальность, гранича-

щую с глупостью. Идеи воруют без зазрения совести. Что такого? Спрашивают потом с милой улыбкой:

– Разве это вы придумали, нет, это мы первыми были, это нам в голову пришло, значит, лавры наши, а ты посторонись, парень, – откусил пирог. – С чем у вас пирожок вы не ска-
зали?

– С яблоками, – ответила Лёля. – Очень вкусно. Давнень-
ко я таких домашних пирожков не ела. Мы, когда в Чугуев-
ке жили, наша хозяйка тётя Маня постоянно нас баловала
пирожками из печки. У неё была деревянная лопата с длин-
ной ручкой, на которой помещалось штук двадцать пирож-
ков. Тётя Маня сгружала их в печь, а потом ловко доставала
из огня румяные, пахнущие сдобой лакомства. Я любила
наблюдать за этим таинством, но сама к печи подходить бо-
ялась. Я же городская девочка, почти принцесса, а печки –
это старинные сказки, к которым с особым почтением отно-
ситься нужно.

– С почтением, вы правы. Жалко, что сейчас цивилизация
вокруг. Я бы вернулся в ту пору, когда лучина тускло светит
и люлька качается, и веретено поскрипывает, и огонь в пе-
чи горит, и бабушка сказки добрые рассказывает, – прогово-
рил Марк мечтательно. – «Дела давно минувших лет, преда-
нья старины глубокой», как сказал классик.

– Мне думается, что вы в Чугуевке и лучину и печку най-
дёте.

– Нее-ет, – Марк замотал головой. – Вы, Лёля Наумов-

на, заблуждаетесь. Не всё так плохо здесь, как вам показалось. Прогресс и сюда добрался. А, соответственно отношение людей к жизни стало слишком потребительским. Но я не об этом хотел говорить. Я с вами хотел свои грандиозные замыслы обсудить. Хотя, может, это они для меня – грандиозные, а в масштабах вечности – пыль...

– Звёздная пыль, – подсказала она.

– Вы романтик, Лёля Наумовна. Вы, наверное поэтесса?

– Нет, я – физик. Лирикой мой муж увлекался, а я слушала его внимательно. Внимала, – улыбнулась. – Ловила каждое слово налету.

– Не перестаю восхищаться вами, и благодарить судьбу за такую попутчицу! – воскликнул Марк. – Вы мне знаменем с небес. Вот какими должны быть люди! Вот каким должен быть я сам. Рад, что познакомился с вами.

– И я рада. Вы меня от грустных размышлений отвлекли. Не думала, что путешествие в прошлое будет таким сложным, даже болезненным.

– «Путешествие в обратном направлении я бы запретил» сказал поэт Геннадий Шпаликов. Я с ним согласен. В обратном направлении не нужно, но нас почему-то, зачем-то упорно тянет в прошлое... Хотите ещё чая?

– Нет. Лучше своими планами делитесь, пока мы до нашей Чугуевки не доехали.

– Это – не планы даже, а размышления, раздумья, – Марк улыбнулся. – Земля наша с неистовой скоростью вращает-

ся. Ощущение такое, что она, как самолёт, вошла в штопор, из которого один выход – гибель. Как остановить падение? Есть ли способ отключить метроном времени? Кто должен взять на себя миссию освободителя? Эти вопросы легли в основу моего нового сценария.

Идея у меня такая: главная героиня попадает в серый мир, где в капсулах спят молодые люди. Их усыпляют в восемнадцатилетнем возрасте, чтобы они не помешали серым правителям вершить злые дела. Бороться в одиночку со всемирным злом сложно, поэтому у нашей героини есть помощник, проводник, досконально знающий серый мир. Это дух в облике человека. Общаются они телепатически. Даже прикосновения бестелесны. Её это не пугает. Ей легко с человеком духом.

Они вместе идут в центр управления, где находится система, которую нужно отключить, чтобы спасти серый мир от гибели. Причем отключить систему может только женщина, чьи отпечатки пальцев запрограммированы в системе. Наша героиня выбрана для этой ответственной миссии. По решению совета много лет назад её не усыпили, как остальных, а отправили в изгнание, стёрли память о прошлом, убедили в том, что она простая беззащитная женщина, живущая обычной серой жизнью, как и все земляне.

Нашей героине далеко за сорок, а значит ей пора узнать тайну своего рождения и изгнания. Пришло время возвращения, но... – Марк замолчал, отвернулся к окну. Вместо

него заговорила Лёля Наумовна:

– Но серые правители не желают возвращения спасительницы, у них поменялись планы. Они желают больше оживать молодежь. Они хотят жить вечно. Так?

– Да, – Марк повернул голову. – Да, Лёля Наумовна, вы правы. Серый мир полон тайн и загадок, разгадать которые не так-то просто.

Серые люди в городе сером
Прячут улыбки в серых шарфах.
Серые лица, глазницы пустые,
Серые мысли и вечный страх.
Страх – кукловод за ниточки тянет
Людишек угрюмых, жадных и злых.
Серое небо спускается ниже,
Чтоб не увидели красок иных.
Чтобы улыбки не появились,
Чтоб не блестели глаза,
Чтоб не любили и не дарили
Радость, которой сегодня нельзя
В городе сером, в сером пространстве
Жить среди серых, угрюмых людей.
Они погрязли в заботах, в работе
И в поиске новых бредовых идей.
Серые люди в городе сером
По улицам серым бегут...
Не знают, не видят, не любят, не верят,
Бесцветной, никчёмною жизнью живут...

Серые люди живут, а нашей героине придется умереть. Вам, Лёля Наумовна, придётся умереть...

– Мальчик мой, что это вы такое говорите? – воскликнула она побледнев. – Мне уже больше восьмидесяти. Фантастику и мистику я терпеть не могу с детства, не признаю её, не принимаю. Я – реалист до мозга костей и выбираю всегда реалистическую прозу или на крайний случай стихи. Я уверена в том, что всему, происходящему в мире, есть научное объяснение. Всему...

– Не буду вас разубеждать, Лёля Наумовна, – сказал Марк миролюбиво. – Я знаю о вас всё или почти всё, потому что вы – моя героиня. Человек дух вас сумел защитить, поэтому вы прожили такую прекрасную, долгую жизнь.

– Вы пугаете меня, Марк. Давайте прекратим этот разговор, – сказала она строго.

– Прекратим минутой позже, – он улыбнулся. – У вас в сумочке лежит тетрадь со стихами Леонида Белого, которую вы хотите отдать в редакцию. Так?

Лёля схватилась за сумочку, подумала, что никому не говорила про Лёнины стихи и про своё намерение их издать. Михаил ревностно относился к её прошлому, раздражать его она не хотела.

– Ваша главная беда, Лёля Наумовна, – самопожертвование. Вы совсем не думаете о себе. Других вы всегда ставите выше себя, а это не правильно и даже опасно для землян,

потому что люди в большинстве своём лживы, напыщенны, эгоистичны, – голос Марка стал мягким. – Вам не нужно меня бояться. Я убивать вас не собираюсь. Я не маньяк убийца, которого ищет Интерпол. Я человек дух, посланный вам на помощь. Отдайте мне стихи Леонида. Я сам отнесу их в издательство...

– Ни за что, – Лёля крепче прижала сумочку к груди.

– Воля ваша, Лёля Наумовна, – Марк встал, поклонился. – Если решите меня найти, то зайдите на телеграф. Там работает моя тётя. Счастливо оставаться...

Он исчез, оставив Лёлю в полном замешательстве. Дверь купе закрыта. На столе стоят два стакана, в которых позвякивают ложечки, лежат надкушенные пирожки и листок с замысловатыми знаками. Лёля взяла его, надела очки, улыбнулась.

– Это же моя любимая формула! Откуда Марк узнал о ней? Зачем он оставил мне такое послание? Странно, очень странно, – Лёля спрятала листок в сумочку, потрянула головой. – Пора просыпаться. Скоро Чугуевка твоя...

Распахнулись двери купе. Проводник улыбнулся, сообщил, что через пять минут поезд прибывает на означенную станцию и предложил свою помощь.

– Спасибо, милейший, но я сама справлюсь, – сказала Лёля, поднявшись. – У меня чемоданчик на колёсах – настоящая роскошь, кати, куда вздумается.

– Колеса дело хорошее, – сказал проводник. – Правда

по сибирским дорогам далеко не уедешь. Асфальта-то нет. Так что вам телега нужна, лошадьми запряжённая.

– Если нужна, найдём, – рассмеялась Лёля, выходя из купе.

Поезд сбавил ход, остановился. Народу вышло много, но Марка среди пассажиров Лёля не увидела.

– Приснилось, – подумала она и пошла по знакомо-незнакомой дороге к дому, в котором они с Леонидом прожили несколько незабываемых лет.

Чем ближе Лёля подходила, тем сильнее в душе нарастало волнение. Думалось, что сейчас ей навстречу выйдет Лёня, обнимет, закружит как тогда, в далёком прошлом, когда она примчалась к нему в Сибирь несмотря на запреты и протесты родных.

Дом за долгие годы почти не изменился. Крепкий сруб покрыт красной черепичной крышей. На окнах белые резные наличники – кружева – Лёнина гордость. Лёлька вспомнила, как он ловко работал лобзиком, выпиливая тончайшие узоры, которые сам же и придумал. Здесь были и звёзды, и солнце, и дурман-трава, и чертополох, отводящий беду. Не отвёл...

– Кого ждёшь, бабуська? – звонкий детский голосок Лёлю напугал. Она ойкнула, уронила чемодан. Вихрастый мальчуган подхватил его, проговорил тоном знатока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.